

Диёра Нарбаева

**НАКАЗАНИЕ БЕЗ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Диёра Нарбаева

Наказание без преступления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23099128

ISBN 9785448373121

Аннотация

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» очень сильно повлиял на молодого студента университета информационных технологий – Романа Кострова. Настолько сильно, что в мысли его невольно закрался один вопрос: «А смог бы я убить?». С этого момента и начинаются его приключения...

Содержание

Пролог	5
Глава I	9
Глава II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наказание без преступления

Диёра Нарбаева

© Диёра Нарбаева, 2017

ISBN 978-5-4483-7312-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«А смог бы я убить?» – задался столь странным вопросом посреди ночи студент университета информационных технологий, Роман Костров. Именно сейчас, когда все спят, ему вдруг захотелось включить свет и перечитать любимое произведение – «Преступление и наказание» Достоевского, которое и натолкнуло его на эту мысль. Но попробуй только нарушить сон товарища по комнате! Дело в том, что наш юный герой жил в общежитии, из-за чего порой приходилось «плевать» на личные прихоти. Перевернувшись с одного бока на другой, Роман уставился перед собой: там спокойно посапывал сосед, накрывшись одеялом с головой. Затем он перевёл взгляд в самый центр небольшой комнатухи, куда из хлипкого окна падало серебристое лунное сияние. Интересное свойство приобретал этот свет, а особенно если глядишь на него долго: даже самое некрасивое и старое, как, например, этот пол, превращалось в нечто волшебное и очаровательное, словно в сказке. Да, именно такие мысли сейчас кружили в голове Кострова в три часа ночи. И всё же каждая эта мысль, будь то самая глупая и смешная, незаметно обращалась к одной единственной: «А смог бы я убить?». «Что за ерунду я думаю? – тяжело вздохнул юноша и, громко скрипя просевшей кроватью, поднялся. – И почему мне совсем не хочется спать? Эх, почитать, что ли? Хотя бы на кух-

не». И, взяв «Преступление и наказание» с прикроватной тумбочки, Рома спустился вниз, на первый этаж общежития.

Но позвольте немного рассказать о самом Кострове Романе Родионовиче. Он был ещё совсем молод, но часто мучил себя излишним самоанализом и мыслями, которые в подобном возрасте людей здорово «старят». Эти его наклонности зависели не только от семьи, как многие могут сейчас подумать, но и от него самого. Родился он в очень оптимистичной семье, родители его, возможно, ко всему относились даже слишком просто и легко. Первым ударом для мальчика стало рождение маленькой сестрички. Как родные не готовили его к такому событию, эгоцентричный первенец как-то не принимал это всерьёз. Но вот когда впервые ему довелось увидеть это инопланетное существо, до ужаса милое и смешное, Рома поразился. Не понравилось ему, что родители стали много внимания уделять девочке, он капризничал особенно сильно первые месяцы. Папа старался занять сына и облегчить положение матери, но затем... он ушёл из семьи. Рома не знал, почему они с мамой разошлись. Он чувствовал какое-то напряжение перед этим, но не мог объяснить самому себе, что происходит. Этакое неудовольствие наталкивало мальчишку на размышления и наблюдения. Однако было поздно: родители разошлись. Папа приходил первое время очень часто, но затем, постепенно, совсем исчез из жизни Костровых. Мама, впрочем, особо не унывала. Она по своей натуре не могла слишком долго переживать, хоть

сын и ощущал, как ей тяжело. После этого юный Костров закрылся в себе, затаил обиду на отца и сам себе сказал, что никогда не станет таким, как он, никогда не оставит ни мать, ни будущую семью. Так они росли, очень счастливо и мирно, хоть порой Рома ясно чувствовал потребность в отце. А сестра его и вовсе не помнила родителя.

Но не думайте, дорогие читатели, что Роман рос несчастным ребёнком. Его всё устраивало и в отношении с родными, и в воспитании. Не было никакого недопонимания между взрослыми и детьми, что само по себе очень дорогого стоит. Можно сказать, Рома вырос счастливым человеком и с удовольствием вспоминал своё детство.

Пристрастие к литературе у молодого человека возникло ещё в раннем подростковом возрасте. Сначала он читал всякие модные фантастические истории, что помогало ему сойтись со многими читающими сверстниками. Но затем, как-то незаметно, он переключился на русскую классику. Перечитал всего Пушкина и Лермонтова, Чехова, Тургенева и даже Островского. Затем перескочил на Льва Толстого, но хоть и восхищался им как гениальным автором, не мог сказать, что он ему безумно понравился. Зато познакомившись с Достоевским, Роман пришёл в полный восторг. И под действием недавно прочитанной книги – «Преступление и наказание» – он находился по сей день. Трудно описать, почему Кострову нравился именно этот автор. Возможно в его произведениях он нашёл какие-то ответы на свои вопросы, воз-

можно, ему открылись некоторые истины, которых он не замечал ранее. Но об этом знает только сам Роман Родионович.

Спустившись на первый этаж в весьма обширную столовую, парень включил фонарик в телефоне и, усевшись в самом углу, принялся читать. «Надеюсь, мне никто не мешает, – думал он по ходу дела. – Только если старушку-консьержку не мучает бессонница. Хм, старушка...». И, тряхнув головой, углубился в чтение.

Глава I

Роман даже не заметил, как уснул. Свесив голову на грудь, в таком положении он проспал до самого утра, пока некоторые товарищи, вышедшие в столовую, с громким хохотом его не разбудили. По утрам Костров всегда всех дичился, а проснувшись от такого гама пребывал в жутком настроении.

– Вот ботаник, а! – расталкивая неподвижного «ботаника», гоготали друзья и знакомые.

Тот же, нахмурившись, нервно повёл плечом, как бы требуя прекратить эти глупые тычки, и, забрав книгу, поспешно удалился в комнату.

– Эй, Ромка, ты где был? – спросил сосед по комнате, стояло другу войти.

Казалось бы, ещё чуть-чуть, и Рома начнёт дико закатывать глаза от всего, что его раздражает. А хуже, чем назойливые вопросы по утрам – нет ничего. Остановившись на секунду, Костров взглянул на Павла, который брilsся перед зеркалом, и, не выдержав этого зрелища, отвернулся. Он вообще не мог смотреть, как Паша бреется, потому что выглядело это примерно так: сжимая бритву своими большими ручищами, парень, весь в пене, резко и порывисто водил лезвием по щекам. Всё дело в том, что Пашка совершенно не боялся крови, а вот Рома – напротив. Сам по себе Павел

был очень приятный и добродушный человек. Даже наивный от части. Тёмные глаза его всегда горели интересом и неутомимой энергией, он за всё готов был схватиться, но, впрочем, запал проходил весьма быстро и вот – Паша уже увлёкся чем-то новым. Рома же был консерватором по натуре: если заинтересовался чем-то, то изучит дело досконально, доведёт его до конца и только тогда, возможно, возьмётся за что-нибудь новое. Взгляд его, в отличие от друга, был спокойным и рассудительным, даже каким-то мудрёно-задумчивым, из-за чего энергичный друг смеялся, а порой и раздражался.

– Я читал, – коротко ответил Роман, усаживаясь на свою кровать.

– Ночью? Ну ты даёшь! Снова «Преступление и наказание»?

Костров кивнул.

– Что же там такого интересного-то, а? – спросил Паша, кажется, больше для себя, потому что не дав ответить собеседнику, затараторил дальше: – Ладно. Собирайся скорее! В университет же опаздываем, – и, смыв пену с щёк, взглянул на всё ещё несобранного друга.

– Я на первую не иду.

– Это ещё почему?

– Дела есть. И вообще – не твоего ума дело! – ухмыльнулся тот, пряча книгу в тумбочку.

Рома очень спешил. Быстрым шагом преодолевая расстояние за расстоянием, он поглядывал на часы и шептал что-

то вроде: «Только бы не опоздать». Казалось бы, куда может так спешить молодой человек, если не на учёбу? Конечно же, к девушке! Снова взгляд метнулся на циферблат, после чего он вздохнул спокойно – успел. Вот уже показались девятиэтажные дома, во двор которых он зашёл. Остановившись напротив подъезда, из которого должна выйти его девушка, Костров вытащил телефон, чтобы ей позвонить, но... ему очень не хотелось портить сюрприз. Она ведь не знала о его приходе сегодня. Оглянувшись, на скамейке неподалёку Роман заметил двух старушек – одну из них он хорошо знал, потому что не раз, когда ждал свою девушку, подсаживался к ней и болтал.

– Утро доброе, Виктория Викторовна! – воскликнул он, подходя. – И вам здравствуйте, – добавил юноша, обратясь к незнакомой женщине.

– Здравствуй, Ромочка, – с каким-то особенным выражением произнесла Виктория Викторовна и улыбнулась. – Что, за Машей пришёл?

– Да. Она не ушла ещё?

– Нет ещё, дома торчит.

– Тем лучше, – улыбнулся Костров. – Ну, как у вас дела? Как здоровье?

В семье Ромы было много людей старшего поколения, поэтому с детства ему приходилось искать к ним определённый подход. Уж если хочешь поладить со старым человеком – обратись к Ромычу, он поможет! – это была негласная истина

для всех в университете. В общем-то, этому искусству «избегания конфликтов а-ля „Отцы и дети“ Тургенева», молодое поколение Костровых усвоило очень хорошо. Они знали, где нужно поддакнуть лишний раз, а где смолчать и добро улыбнуться.

– Хорошие у тебя дети, Лера! – говорили матери Ромы многочисленные бабушки и дедушки. – Такие воспитанные!

Впрочем, мнение это складывалось не только у них.

– Рома? – вдруг услышал довольно высокий голосок парень.

Он обернулся и широко улыбнулся, словно растаял. Перед ним, всего в десяти шагах, стояла Мария – его любимая девушка. Стройная и славная, она глядела на него своими удивлёнными синими глазами. Впрочем, скоро взгляд её сменился, а пухлые губы растянулись в нежнейшей улыбке. Именно такой видел её влюблённый юноша. Особенно нравились ему её курчавые светлые волосы, которые слегка подбрасывал ветер.

– Доброе утро, – улыбнулась Маша бабушкам, а затем, взяв своего молодого человека под руку, побрела подальше от них. – Не ожидала я тебя увидеть здесь сегодня! К тому же так рано.

– Пришёл специально, чтобы проводить тебя до университета.

– Мне приятно, – она кокетливо улыбнулась. – Но у тебя что же, занятий сегодня нет?

– Есть. Я просто решил пару прогулять, – невинно пожал плечами Рома.

– Ай-ай-ай! – со смешливым укором посмотрела на него девушка. – Чего ради прогуливаем?

– Ради тебя, красавица! – неожиданно воскликнул он. – Ни одной пары больше не пропущу, мамой клянусь!

Маша расхохоталась. Её особенно позабавил кавказский акцент молодого человека, а лёгкое причмокивание губами в конце так вовсе ввергло в безудержный хохот. А Рома так и раззадорился! Теперь в ход пошли самые разные шуточки, порой он даже пускался в пляс, как видно, чтобы ещё больше рассмешить девушку, но тут же брал себя в руки, замечая заинтересованные взгляды прохожих. Смущаясь, Костров чуть розовел и чесал в затылке, отчего спутница его, в порыве нежности, легонько трепала его по волосам.

Проводив Машу до университета, Рома снова уставился на часы. До конца пары ещё целый час. Что же делать? Возвращаться в общежитие совсем не хотелось, возможно, стоит прогуляться? Правильно! Чего сидеть в четырёх стенах? Сунув руки в карманы брюк, парень не спеша побрёл по знакомой улице. «Нужно в продуктовый зайти, – подумалось Кострову, и перед глазами замаячил образ пустого небольшого холодильника в комнате. – Пашка всё проел!». И, завернув к самому близкому от университета магазину, Рома даже не думал о том, какие масштабы примет его безобидный прогул.

Зайдя в магазин, Роман почти сразу натолкнулся на одного человека, который поверг его в нешуточный ужас. То был Дмитрий Семёнович – учитель физики в университете. Всем известен вредный нрав этого человека, то ли от того, что возраст его был уже преклонный, то ли он смолоду был таким. Сглотнув, Рома попятился назад, но было поздно.

– Так-так, студент Костров, – протянул Дмитрий Семёнович своим скрипучим голосом. – Прогуливаем учёбу, а?

– Н-нет, что вы, – пролепетал Рома. У него даже язык от страха онемел. – Я просто... заболел.

– Заболел, значит? – выгнул кустистую бровь мужчина. – И что вы делаете в магазине?

– Я у мамы пока живу... с сестрой, – непонятно зачем лгал студент, почёсывая руки. – Тут недалеко. Вот пришёл сюда за... лекарствами.

Старик помолчал, и пока он внимательно оглядывал побледневшего юношу, тот чуть ли не шепнул сиплым голосом: «Горло болит». Но физик криво усмехнулся:

– Тогда должен вас огорчить – здесь лекарств нет. Это вам не аптека. И, раз уж вы живёте здесь поблизости, то должны бы это знать.

И тут Костров понял, что заврался. Он лишь поджал губы и сильнее зачесал руки.

– Да... спасибо. У меня просто... э-э-э... голова болит, – и, решив, что «пора делать ноги», пробормотал, отступая назад: – Я лучше домой пойду, Дмитрий Семёнович. До сви-

дания.

– Да, конечно. До свидания, Костров, – закричал от смеха старик.

«Сходил в магазин!» – с досадой подумал юноша. Но почему возникла такая реакция, задаётся вопросом читатель? Дело в том, что Дмитрия Семёновича недолюбливал весь университет. В каждой группе есть такие любители прогулять пару, а те, кто попадался в этот момент на глаза Дмитрию Семёновичу, очень скоро либо скатывались на «двойки», либо вовсе вылетали из университета. Среди учителей физик был на самом почётном месте, потому как он старше всех, а из-за своего не очень дружелюбного характера этот старик притеснял всех, кто моложе его даже лет на пять. К сожалению, директор не мог с ним совладать, а потому очень прислушивался к мнению преподавателя, который никак не желал уходить на пенсию. Вот почему Романа словно водой холодной облили, он с ужасом думал о том, что вскоре может лишиться профессии. К тому же, Кострова съедал стыд. Вот зачем ему нужно было говорить какую-то бессвязную чепуху? Прибежав в общежитие, парень бросился к себе в комнату, и лицом упал на кровать.

– Что за чёрт меня дёрнул зайти в этот магазин? И почему именно Дмитрий Семёнович? Ох, не жить мне теперь, не жить! Что же делать? – бубнил он.

– Рома?

В комнату, прихрамывая на одну ногу, осторожно вошла

консьержка – Марья Петровна. Костров поднял голову, поглядел на её озадаченное лицо и перевернулся на спину. Кровать жалобно заскрипела.

– Ты заболел, что ли?

– Да... приболел что-то, – рассеяно отвечал Рома.

– Погоди-ка, я сейчас за градусником сбегаю, – сказала старушка и, довольно резво для своего возраста, но хромая ещё больше, вышла из комнаты. То время, пока её не было, Роме показалось раем. Тишина, никого рядом нет, никто не бубнит и не учит уроки. Эти звуки раздражали, ведь очень часто хотелось посидеть одному и в полной тишине.

Прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, перекручивая в голове сцену в магазине, Костров вдруг заметил, что ему действительно становится дурно.

– Вот, милоч, держи, – вернувшись с ртутным градусником, «прокудахтала» Марья Петровна.

Парень засунул его подмышку и прикрыл глаза. В затылке стало неприятно стучать, а где-то во лбу давило противной болью. словно сам мозг пытался вырваться из своей «костяной коробки». Рома даже не заметил, как старушка снова вышла из комнаты и вернулась на сей раз с кружкой горячего чая и конфетами.

– Ну, сколько там у тебя? – спросила она, попутно расставляя всё на прикроватной тумбочке.

– Температура нормальная, – глухо ответил Костров, глядя на показание градусника.

– Ну, ты всё равно чайку попей. Мало ли что! Может, поднимется сейчас...

Она помолчала, задумалась, но буквально через минуту вдруг вся оживилась и заговорила:

– Ко мне внучка должна прийти двоюродная. Медсестра она. Попрошу, чтобы тебя осмотрела.

– Марья Петровна, можно спросить? – когда старушка кивнула, он продолжил с мягкой улыбкой: – Почему вы так заботитесь обо мне?

Она тяжело вздохнула:

– Да понимаешь, у меня ни детей, ни внуков. Только Шу-рочка вот, да я и её-то вижу очень редко. Вот... А заботиться о ком-то порой так хочется! А ты парень хороший, я это уж поняла давно, да и помогал ты мне много. От чего ж мне тебе не помочь?

Роману вдруг стало жаль её. Глядя на эту одинокую, сгорбившуюся женщину с поредевшими седыми волосами, сердце его невольно сжалось. Почесав в затылке, словно в раздумьях, он произнёс короткое, но очень доброе:

– Спасибо.

Марья Петровна вся заулыбалась, смущённо махнула рукой и на дряблых щеках её показался румянец. И не нужно никаких дорогих подарков старым людям, им нужно одно – внимание. Доброго слова порой достаточно, чтобы наши милые бабушки и дедушки почувствовали себя прекрасно.

– Тю! – засмеялась женщина. – Ну, ты погоди, вот сейчас

Шурочка придёт и осмотрит тебя! А ты отдыхай, отдыхай пока...

Рома снова положил голову на подушку и прикрыл глаза. В затылке всё ещё стучало, да и самочувствие было паршивое. Парень надеялся вздремнуть, но стоило ему уснуть, как Марья Петровна вернулась вновь. Теперь уже не одна: рядом с ней стояла молодая девушка с удивительно рыжим цветом волос. Такого Кострову видеть ещё не приходилось: яркий, насыщенный, от него даже как-то тепло становилось, что удивительно. Длинная чёлка закрывала правый глаз. Тонкие руки были как-то неловко сцеплены впереди, а чуть сутулая фигурка вызывала ощущение... хрупкости? Да, это определение явно подходило – казалось, коснёшься её слишком грубо и неосторожно, она так и рассыплется на мелкие кусочки.

– Рома, вот, моя внучка – Шурочка, – сказала Марья Петровна. – Шурочка, это Рома, больной наш. Мне вас оставить?

– Мне бы руки помыть, – довольно тихо сказала девушка.

– Идём, я провожу.

Скоро Шура вернулась, но уже одна. Рукава свитера были закатаны по локоть, в бледных пальцах она сжимала всё тот же градусник. Подставив стул к кровати больного, уваленный грязной одеждой, она лишь слегка поморщилась. Сев, девушка деловито осмотрела горло юноши, язык, прощупала пульс, а затем измерила температуру.

– Температура в норме, – сказала она, сдувая чёлку, чтобы

лучше видеть.

И только сейчас, взглядевшись в её лицо, Рома заметил, что обычно скрытый чёлкой глаз её зелёный, тогда как другой – светло-карий. Никогда он не видел такого явления у людей вживую!

– У вас гетерохромия? – спросил Костров.

Это было первое что он сказал с тех пор, как вошла Шура.

– Да, – она смутилась и чуть тряхнула головой, чтобы чёлка вновь упала на глаз. – Увлекаетесь биологией?

– Немного, – пожал плечами Рома. – Сейчас больше интересуют точные науки, но в школе и дня без биологии прожить не мог.

– Ясно. Что конкретно вас беспокоит? – с какой-то важностью отрезала девушка.

– Голова болит.

– У вас были какие-нибудь расстройства в последнее время?

– Были. И не раз, – усмехнулся Рома. – И наверняка ещё будут. Как и хорошие моменты, в принципе.

– Не надо так говорить.

– Вы суеверны?

– Вовсе нет. Научно доказано, что плохие мысли могут ухудшать самочувствие человека. Нужно мыслить позитивно.

– Позитивно? Если, как вы говорите, мыслить только позитивно, то многое можно упустить или не исправить. А всё

просто потому, что ты сидишь и думаешь: «Вот-вот всё будет хорошо! Нужно только подождать!».

– А я и не говорю мыслить *только* позитивно. Просто отметить такие мысли, как: «Я неудачник», «Я урод» или «Сейчас всё хорошо, но завтра непременно будет плохо» – она мельком взглянула в лицо пациенту. – Советую прислушаться. Любая наша мысль влияет на работу организма. И что будет с организмом, если думать только о плохом? Да и вообще, на жизнь это влияет... Нужно видеть позитив, – она тяжело вздохнула, видя, как приподнимается одна бровь юноши, и как скептически он складывает губы в полу ухмылку. – Мало того, что вы – скептик, так ещё и очень впечатлительный и мнительный человек. По вам сразу видно.

– Что за пропаганда? – рассмеялся Рома. – Вы предлагаете мне стать позитивным человеком. А что делать, если я пессимист? И я вовсе не мнительный!

– А, так значит, с остальным вы согласны? – усмехнулась Шура. – Поверьте, я общаюсь с множеством людей каждый день и вижу, как пессимистов, так и оптимистов. И знаете, что? Пессимисты гораздо медленнее выздоравливают.

Костров поджал губы.

– Вам уже лучше, кажется?

Юноша задумался, прислушиваясь к собственным ощущениям. Головная боль действительно притупилась. Однако он не хотел так сдаваться и, состроив гримасу великого мученика, вновь опустил на подушку.

– Нет, мне всё так же плохо, – солгал он.

– Вот как, значит? – улыбнулась девушка. – Ладно, пойду к бабе Маше.

Совершенно неожиданно для Ромы, она встала и, поправив свитер на худых плечах, двинулась к двери.

– Эй, куда вы? – поднялся «больной». – Даже лекарства не посоветуете?

– А что, есть лекарство от «воспаления хитрости»?

– «Воспаления хитрости»? – возмутился Костров. – Да я реально плохо себя чувствую!

– В таком случае – положите голову на подушку и замолчите, – строго отрезала Шура, и, после секундного молчания, добавила со сдержанной улыбкой: – Должно полегчать.

Рому словно холодной водой окатили. Он сразу замолчал и с интересом поглядел вслед этой, казалось бы, хрупкой и беззащитной девушки. Сначала ему казалось, что она не способна за себя постоять, но последние две реплики здорово удивили его: в них особенно сильно чувствовался характер.

Глава II

На следующий день, полный сил, Рома вышел из душного общежития и направился в поликлинику. Погода здорово испортилась и уже накрапывал дождь, небо заволокло тяжёлыми тёмными тучами, но солнце кое-где безуспешно пыталось пробиться сквозь плотную завесу. Такие места были особенно красивы: облака белели и приятно светились, но всё же не сдавались и преграждали желанному для людей свету путь.

Узнав у Марьи Петровны, где работает Шура, Костров направился туда за справкой. Он надеялся на её помощь. Нужно утереть нос этому противному старику Дмитрию Семёновичу! «Теперь уж у меня будет доказательство! – думал он. – И Дмитрию Семёновичу нечего будет мне сказать». Рома вообще не любил оказываться в неудобных положениях, а особенно в таких, когда один неверный шаг – и тебя выгонят из института. Прощай, так сказать, студент, и здравствуй, стройка! Нет, Костров хотел получить хорошую профессию, да и просто спокойно провести все эти годы.

Погружённый в свои мысли, юноша дошёл до поликлиники. Много здесь было человек. В основном пожилые люди, да матери с детьми. Засунув руки в карманы брюк, словно закрываясь от всяческих шумов, которые всегда раздражают интровертов, любящих тишину и покой, Костров огляделся

в поисках своей новой знакомой. Однако в холле её не было.

– Молодой человек, может, вам помочь? – спросила одна из медсестёр, что сидела на диванчике в стороне.

– Да, пожалуй, – пожал плечами Рома.

Девушка кокетливо улыбнулась и, не торопясь особо, подошла.

– Чем могу помочь? – спросила она.

– Мне бы к врачу попасть. Справка нужна в университет.

– Вызов делали?

– Нет. Но, может, и без этого мне дадут справку?

– А как вас зовут? – последовал встречный вопрос.

– Роман.

– Рома, значит, – медсестра игриво намотала длинную каштановую прядь на палец. – Ну пойдёмте, Рома.

Из холла было только три пути: направо, налево и выход, что располагался позади. Герои наши пошли налево по заполненному людьми узкому коридору. Кострову крайне не нравилось, что многие кашляют, порой даже не закрывая рот, разговаривают и вообще... дышат. Воздух казался каким-то спёртым и неприятным, отчего хотелось скорее выйти на улицу. В очередной раз поморщившись, парень поглядел на ведущую и задумался, что ей, наверное, плевать на всё это. Неужели это он один настолько не любит находится в обществе? И в узком пространстве!

– А меня Вика зовут, – представилась она, коротко глянув на него из-за плеча.

– Рад знакомству, – быстро вставил парень.

– Взаимно, – и снова кокетливая улыбка. – Вот мы и пришли. Подождите-ка...

Она ловко скользнула за выбеленную дверь, так, что никто и возмутиться не успел, что, мол, «вне очереди – не пу-стим!». Прошло несколько минут, и она так же быстро и незаметно вышла обратно в коридор.

– Ждите. У Михаила Александровича пациент, – затем Вика поглядела на очередь, что столпилась у двери и заключила: – Очуметь! И вы, судя по всему, будете пятым. Ну-ну, Роман, не грустите, – она хихикнула, заметив, как он сник. – Я могу побыть с вами пока. Если хотите, конечно.

– Вика! – раздался окрик из толпы.

Девушка поморщилась при этом, словно её заставили съесть дольку лимона. А Рома в свою очередь заметил мелькнувшую рыжую чёлку где-то среди людей, и буквально через секунду перед ними явилась Шура.

– Куда ты, чёрт возьми, пропала? – кипела от негодования она. – Я не могу выполнять поручения Петровича одна! Пошли, поможешь мне.

Вика смерила её прямо-таки ледяным взглядом.

– У меня, вообще-то, пациент, – сказала она высокомерно.

– Пациент? У медсестры? Не смей меня! – Шура перевела взгляд на Рому и замолчала. Она настолько была увлечена своим негодованием, что даже не заметила его сначала. Теперь же, удивлённая, она только и сказала: – Вы?

– Добрый день, – не удержался от улыбки парень.

– Скорее утро, – поправила медсестра. – Я вижу, чувствуете вы себя хорошо.

– Вполне.

– В таком случае – до свидания.

– Заходите ещё! – успела вставить Вика, прежде чем Шура утащила её за собой.

Теперь Костров остался один, пятый на очереди. Вот ведь «увлекательно» он проведёт здесь время!

Михаил Александрович, конечно же, сначала осмотрел юношу, но не нашёл никаких признаков болезни. Поначалу Рома просто просил его выдать ему справку для университета, но врач отказывался. Однако они нашли способ договориться, вследствие чего Костров вышел вполне довольный и со справкой. Правда, в кармане у него уже не было ни копейки. Вздыхнув, он побрёл по улицам, не зная, чем себя занять. Прошёл только час, ещё весь день впереди! Возвращаться в общежитие совсем не хотелось. Пашка ушёл на учёбу, потом обязательно побежит на работу, так что сидеть одному в четырёх стенах – гиблое дело. А дождь только набирал силу. «Нет, мне всё-таки нужно где-то укрыться!» – решил Рома и на ум ему пришла Маша. Но ведь, и она сейчас занята. Не будет же он уговаривать её прогулять пары и посидеть вместе в кафе? Идея заманчивая, но он слишком хорошо её знал – она в жизни не согласится прогулять учёбу. Слишком ответственная и целеустремлённая.

Остановившись под более-менее большим деревом с раскидистой кроной, Костров задумался. Маша, конечно, замечательная девушка. С ней интересно, весело и приятно. Но порой его пугали её планы, которыми она часто с ним делилась. Она уже всё решила для себя: они с Ромой закончат институт, потом поженятся, начнут работать, а далее дети, внуки, правнуки. Счастливая жизнь, полная забот и светлой суеты, но... это пугало. «Какая свадьба? Какие дети?» – каждый раз думал Костров, чувствуя, что захочет подобной жизни ещё не скоро. Впрочем, расставаться с ней не входило в его планы. «Мы ещё даже институт не закончили, – успокаивал он себя. – А там посмотрим. Может, Маша согласится повременить... со всем этим». А дождь становился всё сильнее...

Роман решил заглянуть к маме. Давно он не приходил к ней в гости. Они только созванивались ежедневно, и особенно вечером. Валерия Викторовна очень беспокоилась о сыне. Болезненно она восприняла его решение уйти из дома и жить самостоятельно. Долго уговаривала ещё хоть чуть-чуть пожить с ними, с ней и сестрой, но юноша упёрся, словно баран. На все просьбы, чтобы Рома принимал материнские деньги на пропитание, он опять-таки упирался и довольно нервно пояснял, что он человек взрослый и самостоятельный, и всего добьётся сам. Однако не предполагал он, как это трудно – жить взрослой жизнью. Но переборов в себе сильное желание вернуться в родительский дом, парень всё-таки привык к свободе выбора и ответственности за своё

собственное благополучие, так что больше не хотел возвращаться к матери. «Какое интересное у меня с Раскольниковым сходство, – вдруг задумался Костров. – У меня тоже ведь только мать с сестрой остались». И тут он углубился в воспоминания детства, как они с отцом часто гуляли, ездили на рыбалку и просто общались. А потом – развод, и эти хорошие встречи стали происходить всё реже и реже, а затем и вовсе прекратились. Где сейчас его папа? Этот вопрос интересовал юношу, но он не хотел спрашивать у мамы. Она не любила говорить о нём. Подойдя к подъездной двери родительского дома, Рома набрал код, который не менялся вот уже много лет, и, услышав одобрителный щелчок, вошёл внутрь. Здесь было влажно и сыро, как и на улице, а потому парень поспешил подняться на нужный этаж, чтобы скорее очутиться в уютной сухой квартире. С силой нажав на звонок, Костров ещё подумать не успел, а дома ли мама, как изнутри послышались торопливые шаги. Мама открыла дверь и даже застыла на секунду, удивлённая визитом сына.

– Рома! – наконец, улыбнулась она и, крепко обняв его, завела в полутёмный узкий коридор. – Что же ты не предупредил, что зайдёшь? Ох, ох! А как же учёба? Сегодня же не выходной. Что-то случилось?

– Всё хорошо, всё хорошо, – отвечал Рома, раздеваясь.

Мама всегда любила много «щебетать» и волноваться по поводу его здоровья и дел в целом. А юноша уже привык к этому и спешил сразу говорить, что, мол, всё хорошо

и не нужно волноваться. Они прошли на кухню и просидели там долгое время, разговаривая обо всём, что происходит с ними и в мире вообще.

– Так почему ты не в университете? – спросила Валерия Викторовна, попивая чай.

– Плохо себя чувствовал вчера, не пошёл. А сегодня вот за справкой в больницу ходил.

– Но завтра ты пойдёшь?

– Да.

– Ничего серьёзного, значит?

– Да, хандра какая-то напала, видимо. Сегодня мне уже хорошо.

– Ну и слава Богу! – кивнула женщина. – Но старайся не пропускать, сынок. Сам понимаешь – выгонят и не заметишь. А как же без профессии?

– Да, я понимаю. Всё хорошо будет, не переживай. Окончу институт и работу хорошую найду.

Валерия Викторовна ещё что-то хотела сказать, но по квартире вновь разнёсся немного дребезжащий звук звонка.

– Это, наверное, Катя уже вернулась, – взглянув на часы, предположила мама и пошла открывать.

Рома с улыбкой развалился на стуле и стал ждать, пока сестричка разуется и зайдёт на кухню. Он слышал, как мама сказала ей, что к ним пришёл гость, но кто – не сказала. Заинтригованная, Катя разделась как можно скорее и оставив

рюкзак прямо в коридоре, прошла на кухню.

– Ромка! – обрадовано вскрикнула девчонка и бросилась к брату.

Он даже заметить не успел, как она крепко обвила его шею. Пошутил, что ему дышать нечем, но и сам обнимал любимую Катюшу несколько не слабее. Когда она уселась на стул рядом, он потрепал её по голове, как делал это всегда, с самого детства. И нужно сказать, что свои волосы трепать Катя позволяла одному только Роме.

Екатерина Родионовна вступала как раз в тот возраст, когда вот-вот люди со всех сторон будут обращаться к тебе не «девочка», а «девушка». Подростковый период – тот самый тяжёлый период в жизни человека, когда ценности и мнение только формируются, когда ты бунтуешь против целого мира, когда ты считаешь себя либо особенным, либо ничтожеством. Сильнейший максимализм. В случае Кати – она считала себя несимпатичной девочкой, у которой ничего не получается. Да, она была худовата, низкого роста, некоторые части тела её ещё не совсем развиты, но всё шло к тому, что вскоре она станет очень красивой девушкой. Меткий женский глаз всегда видит в более молодых девчонках задатки красивой фигуры, поэтому мама уверяла дочь, что ей не нужно переживать. Но говорить что-либо было бесполезно.

Семейство расселось за столом и разговор вновь вернулся в прежнее спокойное русло. Катька стала рассказывать

о школе, какие у неё там новости, а Рома предупредил, что, мол, «если кто обижать будет, то помни: у тебя брат в институте учится». Мама радостно улыбалась, наблюдая за своими детьми. Когда-то она боялась, что они будут плохо ладить, но шло время, капризный Ромка привык к сестрёнке и стал ощущать острую потребность в её защите. Да, порой они ругались, но что значат все эти ссоры между родными людьми?

– Эй, Ромка, а у тебя девушка есть? – вдруг спросила Катя.

– А с чего ты интересуешься? – так же в ответ спросил Рома.

– А просто так.

– Ну, раз просто так, то и отвечать необязательно.

Сестра только надула губки, собираясь надавить на упрянца каким-нибудь аргументом, как в разговор вмешалась мама:

– Не только Кате это интересно, – пожала она плечами, – но и маме.

Девчонка хитро улыбнулась и взглянула на чуть смутившегося брата, который, конечно же, понял, что ответить всё-таки придётся.

– Нет, – буркнул он, опустив взгляд в чашку с чаем, – никого у меня пока нет.

– Ну и слава Богу, – будто успокоилась мама.

– «Слава Богу»? – удивился юноша. – Ты что же, внуков не хочешь?

– Нет, я ещё слишком молода, – женщина вскинула голо-

ву, как бы демонстрируя всю свою красоту и молоджавость. — Да и тебе рано о детях думать. Профессию получить надо, на работу устроиться. А это всё будет, только позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.